

Культурно-исторические корни системной антропологической психологии
Виталий Е. Ключко (профессор)

Томский Государственный Университет
Факультет психологии

Культурно-историческая теория Л.С. Выготского рассматривается через призму тенденций развития психологии, которые открывает транспективный анализ, понимаемый как средство познания закономерностей становления открытых саморазвивающихся систем, к числу которых может быть отнесена и наука.

Утверждается, что культурно-историческая психология может быть отнесена к теориям постнеклассического уровня, т.е. она опередила время, заявив о себе в эпоху становления неклассической психологии. Это существенно затрудняло (и продолжает затруднять) понимание многомерной логики, которую использовал Л.С. Выготский. Показано, что сегодня эта логика становится гораздо более доступной для осмысления, поскольку наука приступила к освоению идеалов постнеклассической рациональности.

В системной антропологической психологии накоплен значительный теоретико-методологический и методический арсенал, позволяющий заложить каркас теории мотивации инновационного поведения, основанной на понимании механизмов саморазвития человека как открытой самоорганизующейся системы (Ключко, 2008).

Системная антропологическая психология понимается нами в качестве относительно нового направления науки, особенность которого заключается в том, что его создатели исходно ставили своей задачей построение методологического базиса теории таким образом, чтобы он максимально укладывался в общее русло объективных тенденций становления психологического познания. Может показаться, что такая задача является избыточной. Действительно, если согласиться с Л.С. Выготским в том, что объективные тенденции развития науки существуют, выступая в качестве сил, незримо «стоящих за спиной» исследователя и подчиняющих себе его «ум и волю»(1982), то можно и не тратить усилия на их осознание. Ведь каждый исследователь и без того находится в пространстве действия этих сил, независимо от того, насколько он это осознает. С другой стороны, объективация самих тенденций позволяет исследователю сознательно войти в сердцевину «парадигмального сдвига», осознать свое место в общем движении науки, т.е. установить преемственную связь с теми, кто работал в науке до тебя, и будет работать в ней после тебя.

Наши исследования показывают, что тенденции развития науки можно выявлять с помощью историко-системного подхода, рассматривая его как частный случай приложения транспективного анализа к исследованию закономерностей движения

научного познания (Klochko, 2009). Транспективный анализ – это не просто подход к исследованию развивающегося явления, но и принцип изучения явления в процессе его становления, т.е. закономерного усложнения системной организации, характерного для сложных целостностей (открытых систем). Несколькими циклами завершенных исследований было показано, что науку можно рассматривать в качестве открытой саморазвивающейся системы, закономерное усложнение системной организации которой сопровождается последовательным ростом уровня системности профессионально-психологического мышления. Что касается аксиоматики, на которой выстраивается системная антропсихология, то она вобрала в себя практически всю методологическую базу ТПС (Клочко, 2005).

Если касаться «истории вопроса», то на самом деле главным вопросом в свое время стал вопрос о природе взаимодействия как явления, обладающего порождающим эффектом. Фиксируя в экспериментальных исследованиях (которые проводились в начале 70-х прошлого века в рамках исследовательской программы, которая вылилась позднее в то, что называют сегодня смысловой теорией мышления О.К. Тихомирова) моменты смыслообразования, можно было с уверенностью заключить, что смыслы возникают сами, а не как результат специальной («смыслообразующей») деятельности человека (Клочко, 2005). Они «самообразовывались», оседая на предметах, определенным образом маркируя их в качестве значимых, необходимых, отвечающих человеку, его текущему состоянию. К такому «незапланированному продукту» привела попытка на экспериментальном уровне проверить гипотезу Л.С. Выготского о единстве аффекта и интеллекта, инструментально нащупать это единство (1986). Тогда впервые мы встретились с самоорганизацией, характерной для человекоразмерных систем. И оно, это единство, открылось весьма специфично. Аффект (эмоция) опережает гностику (отражение), отношение идет впереди отражения, прокладывая дорогу произвольной деятельности и направляя тем самым логические процедуры, сокращая и структурно оформляя зоны поиска решения задачи. Эмоции указывали на смыслы, а те оказывались одной из характеристик элементов, составляющих логическую структуру ситуации. Становилось понятным, что смыслы (и эмоции, которые их считают) и есть проводники в сознание тех предметов, которые соответствуют текущему состоянию человека.

Так постепенно открывалась многомерная психологическая реальность, «субъективно искаженная» объективная реальность (Л.С. Выготский), но позволяющая действовать избирательно (1982). На любое изменение состояния человека (возникновение поисковой познавательной потребности, мотивов деятельности, целей и т.д.) ситуация отвечала динамикой ценностно-смысловой структуры, вместе с которой перестраивалась и

предметная (формально-логическая) структура ситуации. Постепенно выяснялось, что ситуация тем и отличается от остальной объективной реальности, что она имеет ценностно-смысловое измерение, при этом она является только частью, актуальным, динамическим и напряженным сектором жизненного мира человека.

Чтобы взаимодействие вообще стало возможным, необходимо такое соответствие противостоящих сторон (систем), когда каждая из них видит в другой «свое иное», пусть еще и не ставшее подлинно своим, но, не присвоив которое, т.е. не включив в собственную систему, под сомнением оказывается возможность устойчивого существования системы. По сути речь идет о законе, который обеспечивает порядок в ведомой нам вселенной – законе ограничения взаимодействий. Хаос бывает только там, где нет никаких взаимодействий, либо разрешены любые взаимодействия. Состоявшееся взаимодействие уже самим своим фактом указывает на соответствие, которое стало причиной взаимодействия. Взаимодействие в такой же степени проявляет соответствие, в какой соответствие выступает в качестве единственно и полной причины взаимодействия. В этом усматривается механизм самоорганизации, которым обладают открытые системы. Там, где есть соответствие, взаимодействие происходит самопроизвольно и мимовольно, когда речь идет о человеке. Только открытые системы способны удерживать внутренний порядок за счет отбора из окружающей среды исключительно того, что способно этот порядок обеспечить. Усложняясь в каждом акте взаимодействия за счет принятия в себя «своего иного», переструктурируясь, вписывая его в себя, системы наращивают уровень своей системной организации и потому живут до тех пор, пока могут усложняться. Поэтому самоорганизация является условием саморазвития открытых систем. Таковой кажется природа их эволюции, будь то человек, или научная теория, или биогенетическая система, или любая другая система, которою можно считать открытой. На этих постулатах закладывалась аксиоматическая база теории самоорганизующихся психологических систем (ТПС). Через призму этой теории становится понятной мысль Л.С. Выготского о том, что «психика есть высшая форма отбора» (1982,с.347), и слова С.Л.Франка о том, что «человек есть живой центр духовных сил, направленных на действительность. Это внутреннее, субъективное отношение человека к действительности, эта *направленность* человеческой души на мир, образующая самое существо того, что мы зовем нашей жизнью... оставалась совершенно вне поля зрения обычной, так называемой "эмпирической психологии"» (Франк, 1995, с.441).

Было показано, что такие заметные тенденции как гуманизация, гуманитаризация, онтологизация психологического познания на самом деле представляют собой различные проявления общей тенденции развития науки по

линии ее антропологизации. Можно быть уверенными в том, что психологи попытаются использовать все потенциальные источники, которые способны хотя бы намекнуть на наличие в них знания о природе человека как целостного явления. На то, что этот процесс реально происходит в науке, указывает возникновение различных проектов гуманистической, экзистенциальной, гуманитарной, христианской и т.д. психологий. Выскажем свое убеждение, заключающееся в том, что научная психология, кажется, окончательно прощается с надеждой открыть функцию психики, делая предметом исследования саму психику. Возможно, что одним из источников кризиса современной психологии и является постепенно приходящее осознание иллюзорности попыток угадать функцию психики, ее миссию и предназначение (психика отражает, ориентирует, регулирует, предвосхищает и т.д.) и на основе эмпирически определенного феномена построить некоторой целостное (системное) представление о нем самом. Ведь практически все эти догадки уже давно обрели статус объяснительных принципов.

В отличие от других вариантов антропологической психологии (или «психологической антропологии» - понятия, часто выступающего в качестве синонима или аналога антропологической психологии), мы используем понятие «системная антропологическая психология». Это вовсе не означает, что другие варианты антропологической психологии «не системны» или «менее системны». Мы вовсе не хотим подчеркнуть этим понятием («системная») качество теории, но принципиально отстаиваем свое понимание образа человека в психологии. Человек постепенно становится предметом психологической науки, но результаты транспективного анализа убеждают нас в том, что собственно психологическое (а не любое другое) исследование человека начинается в том случае, когда сознание, психика, психическое вообще начинают пониматься через ту миссию, которую они выполняют в системе целостного человека, обеспечивая ему возможность становиться (и оставаться) открытой самоорганизующейся системой, режимом существования которой является саморазвитие. Сформулированный в такой форме принцип системности обретает парадигмальный статус. В теории психологических систем, известной по аббревиатуре ТПС, разработку которой в свое время начал один из авторов (В.Е. Ключко), человек рассматривается как сложная динамическая пространственно-временная организация. В ТПС изначально был заложен антропологический ход, объективирующий возможность движения психологического познания «от человека к психике». Реализовать его было крайне непросто в связи с двумя обстоятельствами. Во-первых, такой ход противоречил общепринятому движению психологической мысли «от психики к человеку», сопровождающемуся попытками понять функцию психики, изучая ее саму и выдвигая при этом различного рода догадки о том, для чего предназначено это сложнейшее устройство.

Этих догадок накопилось много: психика отражает, предвосхищает, ориентирует, регулирует, адаптирует и т.д. Некоторые из них до сих пор остаются не только весьма авторитетными, но и приоритетными. Проблема в том, что ни одна из этих догадок, ни их сумма не покрывают дефицит нашего знания о психике. Этот дефицит воспроизводится неизбежно и постоянно в связи с тем, что в исследованиях все время обнажается интимная связь психики со своим более высоким «целым», с которым она связано иерархически и субординационно. Во-вторых, в то время не только в психологии, но даже в эпистемологии еще не была озвучена мысль о наступлении постнеклассической стадии развития науки, приоритетным предметом в которой станут саморазвивающиеся «человекообразные» системы. Поэтому крайне не просто было доказывать саму возможность теоретического (системного) определения предмета науки. Еще сложнее было говорить о том, что в процессе исследования пусть и теоретически определенной, но при этом вполне реальной («живой», развивающейся) системы, психика открывается в особой роли, которую невозможно было даже помыслить в процессе познания ее самой в качестве полного (эмпирически определенного) предмета науки. Поэтому на первых этапах развития ТПС не было большого смысла акцентировать антропологический характер используемой парадигмы.

Системный ракурс (человек как самоорганизующаяся система) задает только один из возможных путей подхода к человеку как предмету психологического (а не какого-либо другого) познания, одновременно намечая контуры предметного и проблемного полей, предопределяющих количество и качество научных задач, решение которых допустимо в рамках данной методологии.

Появилась возможность просчитать объективные тенденции в становлении психологического познания и понять, что такие часто выделяемые тенденции, как гуманизация, гуманитаризация, онтологизация психологии, которые рассматриваются чаще всего как отдельные и рядоположенные, на самом деле являются только различными формами, различными проявлениями одной тенденции – антропологизации психологического познания. Она, на наш взгляд, и выражает сущность парадигмального сдвига, происходящего в науке. Кроме того, изменился уровень системности мышления психологов: им теперь невероятно легче понять человека как саморазвивающуюся (самоорганизующуюся) систему. Именно с такими системами имеет дело постнеклассическая наука, а это означает, что достаточно настойчиво обсуждаемая в психологической литературе проблематика «устройства» науки, опирающейся на идеалы постнеклассической рациональности, все равно выведет к целостному человеку, к системно определенному человеку в качестве предмета науки.

В рамках такого подхода психическое предстало в своей пространственной непрерывности – как то, что обеспечивает дальное действие всей системы, позволяя ей осуществлять отбор из среды того, что соответствует ее наличным потребностям (т.е. обладает смыслом) и возможностям (т.е. имеет статус ценности, ибо саморазвитие и есть переход возможности в действительность, обеспечивающий устойчивое существование системы). Фактически это определило переход теории в пространство системной антропологии. Оказалось, что такой переход вовсе не отбрасывает методологические принципы психологии, естественным образом сложившиеся в ней, но интегрирует их в рамках нового и более сложного принципа. Например, принципы системности, развития и детерминизма утрачивают свою былую автономность, когда в качестве предмета науки появляется саморазвивающаяся система. Определяющее значение обретает принцип системной детерминации, позволяющий объективировать те эффекты самоорганизации, которые выступают в виде психологических новообразований, детерминирующих выбор человеком конкретных направлений саморазвития. «Самореализация личности» есть только форма, в которой проявляет себя саморазвитие человека - основной способ существования его в качестве открытой самоорганизующейся системы (Галажинский, 2002). Мы убеждены, что антропологическая психология представляет собой достаточно широкое предметное и проблемное поле науки, контуры которого едва намечены, но именно к этим полям устремлена транспектива психологического познания.

Разнообразие научных теорий является неотъемлемым атрибутом научного прогресса, при этом само это разнообразие выражает его (прогресса) эволюционную направленность. Собственно этот факт и схватывает понятие «транспектива»: наука не развивается изнутри, но, будучи открытой системой, активно взаимодействует со своей средой и обогащается, активно вычерпывая из нее недостающие ей образцы мышления, способы рассуждения, примеры преодоления дихотомий, образы человека, существующие в пространстве философского, религиозного, космологического, эзотерического и любого другого знания.

Получены знания о том, как формируется «многомерное пространство жизни» человека, как последовательно это пространство обретает новые измерения, и вслед за этим поднимается на новые уровни сознание человека (Клочко, 2005). При этом сам человек выходит на новые ступени суверенности, становясь все более открытой системой, и требуя для себя другую образовательную среду, которая сделала бы этот процесс суверенизации непрерывным и сообразованным с ним. Теория и практика образования должна включить в число своих приоритетных задач особую задачу по сообразованию этих требований с образовательными действиями и воздействиями. Образовательные проекты должны

соответствовать этим ожиданиям, т.е. должны быть сообразованы с теми закономерностями становления человеческого в человеке, которые нельзя игнорировать или пытаться обойти с помощью даже самых современных образовательных (педагогических) «технологий». Только при соблюдении такого соответствия можно обеспечить режим саморазвития человека в условиях институционально понятого образования. Ребенок человека – это особый феномен, сущность которого составляет сконцентрированная в пределах его маленького тела возможность (стать человеком), находящаяся в состоянии напряженного ожидания тех внешних условий, взаимодействие с которыми позволит этой возможности превратиться в действительность. Эквивинальность – динамическое свойство образовательной системы, организующей перевод детей, выходящих к общему старту из различных начальных состояний, в одно и то же финальное состояние – стать человеком, быть человеком. Закономерности же лежат не в разнообразии путей перехода, что само по себе понятно, а в наличии тех устойчивых стадий и этапов, которые обязательно пройдет ребенок, прежде чем станет полным (или целым) человеком – суверенной личностью, способной к инновационной деятельности как по отношению к миру, так и себе самому (самостроительство, саморазвитие и т.д.).

Собственно психологическое исследование человека начинается в том случае, когда сознание, психика, психическое вообще начинают пониматься через ту миссию, которую они выполняют в системе целостного человека, обеспечивая ему возможность становиться (и оставаться) открытой самоорганизующейся системой, режимом существования которой является саморазвитие.

Я думаю, что психологам еще предстоит признать в качестве аксиоматических идей культурно-исторической теории мысль Л.С. Выготского о том, что «положительная роль» психики заключается не в отражении мира, а в том, чтобы «субъективно исказить действительность в пользу организма» (Выготский Л.С.1982, с.347), поскольку только при таком «искажении» человек получает возможность действовать осмысленно, т.е. понимая смысл и ценность своих действий. Я настаиваю на том, что центр системных поисков Л.С. Выготского образует именно эта идея: психика и сознание не тождественны отражению мира. Их функциональный смысл заключается в порождении многомерной реальности, не сводимой ни к субъективной реальности, ни к объективной. В этом порождающем взаимодействии человека с миром формируются сверхчувственные измерения предметов, составляющих «внешнее поле» его бытия, неотъемное от самого человека, входящее в определение человека как целостного явления

